

УДК 93/94

**Научное сотрудничество и образовательные контакты в
системе советской культурной дипломатии эпохи
Холодной войны¹**

О.С. Нагорная

Аннотация:

Ключевые слова: транснациональная история, советская культурная дипломатия, Холодная война, академическая мобильность, научные обмены

В условиях «холодной войны культур», где пространством противостояния служили не только сфера вооружений, но и культура в разных ее проявлениях (включая и высокое искусство, и потребительские практики), транснациональные научные и академические контакты превратились в неотъемлемую составляющую реального и символического соперничества. Противоположные полюса международной системы с равным рвением представляли свои эпохальные научные открытия как подтверждение превосходства собственной идеологической и экономической системы, расценивая членов научной элиты и иностранных обучающихся как потенциальных трансляторов заданных культурных смыслов в зарубежных обществах.

В ряде современных исследований утверждается, что в отличие от западного мира регулярные инициативы Советского Союза по расширению научно-технических обменов являлись всего лишь завуалированными попытками получения технологий и, «учитывая советскую относительную отсталость, преследовали под видом "обмена" непропорциональные выгоды»². Бесспорно, данные заявления не лишены оснований, но они относятся в полной мере лишь к контактной линии Восток–Запад. Что же касается восточно-европейских, а также позже

развивающихся стран, СССР в большей степени выступал донором научных и образовательных технологий, крупным инвестором технологических проектов. К примеру, в ходе обучения студентов из стран социалистического лагеря, Советский Союз предоставлял в их распоряжение не только вузовскую инфраструктуру, но и результаты новейших научных разработок³. В свою очередь, создание советскими специалистами в азиатских и африканских странах обширнейшей сети культурных и образовательных учреждений служило цели репродуцирования теорий и идей, трансферу знаний с социалистического Востока на постколониальный Юг⁴, восприятию советских научных парадигм. В конечном итоге, научный и образовательный обмен стал одним из наиболее эффективных средств советской культурной дипломатии.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ указанной проблематики, в данной статье будут отражены актуальные исследовательские дискуссии, намечены основные тематические поля и перспективы их дальнейшей разработки.

«Культурный интернационализм» (А. Ирие) научного сообщества в эпоху Холодной войны и внешнеполитические репрезентации СССР

Краткий период после окончания Второй мировой войны ученые на Западе и в СССР надеялись на дальнейшее снятие ограничений в сфере научных и образовательных контактов, которое наметилось в рамках сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции⁵. Основанием для этих настроений стало в том числе пышное празднование 220-летия АН СССР в июне 1945 г. В нем приняли участие сотни приглашенных иностранцев, включая делегации союзных и нейтральных государств, а назначенный президентом Сергей Вавилов в своей вступительной речи говорил об открытости и интенсификации обмена⁶. Однако начавшаяся

под влиянием ждановщины борьба с инокультурным влиянием ознаменовала поворот к политике закрытости, в том числе в сфере науки. Отдельные исключения делались в случае внешнеполитической необходимости. К примеру, в 1952 г. СССР выступил инициатором проведения крупного Московского экономического совещания, собравшего ведущих финансистов, промышленников, ученых и профсоюзных деятелей со всего мира и сопровождавшегося традиционными мероприятиями советского культпоказа⁷.

Кардинальные изменения в миграционной политике в отношении ученых начались лишь с процессом десталинизации: уже в 1957 г. в рамках сотрудничества со странами народной демократии по линии АН СССР было принято 735 чел., выехало за границу 703 чел., в последующем году цифра приема в значительной степени возросла: только за 9 мес. 1958 г. в СССР приехало 1290 ученых, однако численность выехавших осталась на прежнем уровне – 700 чел.⁸ По данным А. Попова и И. Орлова, активное развитие научного туризма пришлось на 1960 г., когда за границу на различные мероприятия было командировано 6 тыс. сотрудников Академии и ее республиканских отделений⁹.

Система научных и образовательных контактов, что было характерно для советской культурной дипломатии в целом, включала в себя множество институций: плановые, координирующие и контролирующие функции были неравномерно распределены между целым рядом органов и специализированных ведомств: ЦК КПСС, МИД, Государственным комитетом по культурным связям с зарубежными странами (с 1958 по 1967 г.), Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС) и позже Союзом советских обществ дружбы (ССОД), Министерством высшего и среднего специального образования, ЦК ВЛКСМ и др. Одним из моторов развития научно-технических контактов внутри

социалистического лагеря стала Постоянная комиссия СЭВ по координации научных и технических исследований. С одной стороны, нерасчлененность функций и дублирование компетенций в органах различного уровня и вида препятствовали выработке взаимоувязанных мероприятий культурной дипломатии. С другой, импровизационный характер и лакуны в сфере контроля способствовали возникновению свободных пространств действия, в которых двигались не только официальные лица, но и неформальные послы советской культурной дипломатии.

Хрущевский поворот к «культурному наступлению», как считает американский историк К. Холлингс, заложил в советскую систему научных и образовательных контактов неразрешимую дилемму: с одной стороны, именно наука и образование стали сферами, где глобальные успехи давали надежду на достижение превосходства над противниками в Холодной войне и использовались для репрезентации СССР на международной арене. С другой стороны, в рядах советского руководства постоянно присутствовало обоснованное опасение, что множественные контакты советских ученых с западными коллегами снизят их лояльность по отношению к системе¹⁰. Решение данной дилеммы носило ситуативный характер и зависело от сложившейся в конкретный момент внешнеполитической конъюнктуры: необходимость поддержания научного имиджа СССР вынуждала отправлять советских ученых на престижные научные мероприятия, проходившие в странах «враждебной» капиталистической заграницы (например, в ФРГ и в США), однако объем делегируемых был весьма незначительным¹¹.

В сравнении с предыдущими периодами¹², во второй половине XX столетия беспрецедентное значение приобрели институционализированные формы коммуникации научного и образовательного сообщества. Международный союз научных

сообществ, Международный астрономический союз и т.д. выполняли не только исследовательские функции, но и активно служили целям внешнеполитической репрезентации разных стран. Поддерживая свой имидж ведущей державы в области научно-технического прогресса СССР принимал деятельное участие в организованных этими институциями мероприятиях. Ряд крупных форумов, проведенных по инициативе СССР на его территории, ознаменовал эпоху беспрецедентной открытости оттепели: в 1958 г. в Москве собралась десятая генеральная ассамблея Международного астрономического союза, в 1959 г. Киев принимал знаменитую Рочестердскую конференцию физиков¹³.

Тогда же, после запуска первого искусственного спутника Земли, произошел прорыв в использовании демонстрационного эффекта достижений советской науки в целях формирования положительного мнения зарубежной общественности об СССР. В 1958 г., когда международное мнение было все еще отрицательно настроено к СССР из-за вооруженного вторжения в Венгрию в 1956 г., советским руководством было принято решение выставить реплику спутника на престижнейшей первой после войны всемирной выставке в Брюсселе. Неподдельный интерес миллионов посетителей к данному объекту обеспечил советскому павильону феноменальную посещаемость, которая в прессе СССР была представлена как признание достижений социалистической системы в целом. По мнению целого ряда исследователей, именно в этот момент советской стороне удалось эффектно продемонстрировать свое техническое и научное превосходство в орбитальных исследованиях¹⁴. Столь позитивный эффект подвиг советскую сторону повторить этот прием в этом же году на менее значимых площадках, например, на Пловдивской ярмарке в Болгарии¹⁵.

Кроме того, космические достижения отныне стали неотъемлемой частью презентационной политики СССР на выставках за рубежом.

В целях внешнеполитической репрезентации СССР на международной арене систематически использовалось не только техническое, но и гуманитарное экспертное знание. К примеру, в условиях необходимости включения стран Восточной Европы в существующее советское символическое и культурное пространство Советский Союз в отношении определенных стран пытался использовать в том числе славянские идеи. В состав созданного в 1947 г. Общеславянского комитета вошли видные представители писательского, научного и образовательного цеха: ректор ЛГУ Вознесенский А.А., писатель Корнейчук А.С., а также директор Института славяноведения АН СССР Греков Б.Д.¹⁶

По инициативе ЮНЕСКО, а также в рамках билатеральных договоренностей и многосторонних форумов на протяжении 1960–1980-х гг. работали комиссии по ревизии школьных учебников, нацеленные на преодоление негативного прошлого, примирение межнациональных разногласий и распространение идей пацифизма. В случае стран восточного блока, где консультации проходили при доминирующей роли советской Академии педагогических наук, пересмотр учебных планов и школьных программ рассматривался как возможность дальнейшей интеграции социалистического сообщества в условиях сохранения остроты межнациональных конфликтов (например, между ГДР и Польшей). По предварительной оценке Р. Фауре, сделавшего акцент на изучение западных стран, сотрудничество в рамках этого проекта не может оцениваться как однозначно эффективное¹⁷. Однако в случае СССР и стран Восточной Европы данный вопрос требует более детального анализа.

С 1960-х гг., в эпоху активности советских культурно-дипломатических органов в странах третьего мира, научные связи оценивались как один из перспективных каналов «широкой и эффективной пропаганды успехов Советского Союза» в развивающихся государствах, особенно в условиях дипломатических кризисов. Типичными механизмами укрепления своего авторитета в постколониальном пространстве являлись отправка советских преподавателей, развитие научных исследований на местах, связанных со спецификой региона, снабжение образовательных учреждений научной и методической литературой. При этом заинтересованность советской стороны в сохранение связей, даже в ущерб собственным интересам, позволяла правительствам только что освободившихся от колониальной зависимости государств проявлять определенную степень «своеволия» и играть на противоречиях мировых держав. К примеру, несмотря на стремления советской стороны усилить преподавательское присутствие в сфере общественных наук и идеологического воздействия, кубинские власти во второй половине 1960-х гг. самостоятельно определяли перечень научных областей и предметных дисциплин, необходимых по их представлениям для развития национальной науки и народного хозяйства, делали выбор в пользу американских и французских учебников, сами регулировали количество отправляемых на обучение в СССР студентов и стажеров¹⁸.

В целом, Холодная война внесла изменения в статус ученого международного ранга. Отныне он подразумевал не только интернациональное признание результатов инновационной деятельности, но и общественно-политическую активность – выступления за мир, петиции в защиту прав отдельных социальных категорий, членство в определенных организациях и т.д.

В среде советских исследователей, обладающих признанным международным авторитетом, появилась когорта т.н. «медийных лиц», на которых руководство СССР возлагало задачи презентации новейших достижений советской науки, продвижение ее образа как мирового лидера. Спецификой периода Холодной войны стал феномен «ученых-дублеров»: инновационные открытия в области технических и естественных наук за рубежом чаще всего представляли отнюдь не их истинные авторы, которым гриф секретности не позволял пересекать границу. Вплоть до развала социалистического лагеря мировая научная общественность приписывала эпохальные открытия другим людям¹⁹. В свою очередь, одобренные репрезентационные кандидатуры перед участием в международных конференциях в зарубежных странах проходили процедуру соответствующего инструктажа для ознакомления с правилами поведения советского гражданина за границей²⁰.

Помимо формирования нужных саморепрезентаций на международной арене с помощью своих ведущих ученых Советский Союз активно пытался вовлечь в сферу реализации культурной дипломатии авторитетные мировые умы. Ряд признанных в научном мире борцов за мир были отмечены престижной советской наградой – Международной Ленинской премией мира: в их числе французский физик Жолио-Кюри, индонезийский профессор С. Сокхей. Одним из первых премию (тогда еще носящую имя Сталина) получил американский предприниматель Сайрус Итон, основавший и спонсировавший знаменитые Пагоушские конференции²¹, предметом которых были в том числе размышления об ответственности ученых за уменьшения опасности ядерной, биологической и химической войн. Комитетом осуществлялись даже попытки вручить премию западногерманским ученым Отто Хану и Альберту Швейцеру, которые обычно во внутрисоветской пропаганде представлялись весьма враждебно. Однако, ученые из ФРГ, следуя логике

глобального противостояния, отклонили свои кандидатуры²². Примечательно, что долгое время председателем Комитета по вручению премий, в который входили ведущие деятели писательского цеха (А. Зегерс, П. Неруда, Э. Эренбург), являлся именно ученый – академик Д.В. Скобельцын, обладавший признанным международным авторитетом и широкой сетью личных контактов в разных странах. Можно предположить, что связанные с наукой представления об объективности должны были придать вес решениям комитета по вручению премий.

«Переходящие границы»: иностранные студенты в мероприятиях советской культурной дипломатии

В свою очередь сфера советского образования второй половины XX в. может рассматриваться как транснациональное социальное пространство²³, где осуществлялся трансфер знаний и технологий, транслировались и усваивались определенные образцы толкования, возникла устойчивая коммуникация экспертного сообщества, часто на неформальном уровне и вне идеологических рамок. Обучение в СССР, безусловно, оказывало влияние на формирование картины мира и политический стиль элит социалистических и развивающихся стран. «Переходящие границу» между двумя реальностями превратились в устойчивый канал влияния, трансфера социалистического дискурса и социалистической идентичности в эпоху Холодной войны. Согласно Д. Байрау, постоянные контакты, личные договоренности и устные обсуждения между представителями партийных элит были важнее, чем формальные межгосударственные соглашения: «Свой вклад в координацию и в определенной степени в общую социализацию вносило обучение множества партийных и военных кадров, а также научное и профессиональное образование в советских вузах»²⁴. Несмотря на амбивалентность переживания СССР, выпускники советских вузов стали

самой большой группой обществ социалистических и развивающихся стран, обладавшей реальным, а не медийно опосредованным опытом переживания СССР и «социалистического сообщества» и намеренно или невольно транслировавшей его на родине²⁵.

Справка о количестве студентов стран народной демократии на 1954 г. дает представление о широком круге советских образовательных и пропагандистских институций, задействованных в работе со студентами-иностранцами²⁶. Помимо партийных органов и профильных министерств, вопросы идеологического воспитания, организации внеучебной деятельности и каникулярного времени курировал ЦК ВЛКСМ и его местные отделения. Цифры распределения по вузам демонстрируют первоначальную концентрацию студенческого контингента в столичных городах и выборочно в европейской части СССР. Территориальное ограничение размещения иностранных студентов, поддерживаемое в целях облегчения организации учебы и контроля, была пересмотрено в связи со стремительным увеличением контингента иностранцев, с которым не справлялись центральные вузы. Уже в 1961 г. в СССР обучались 2277 студентов из Вьетнама, 1955 – из Монголии, 1524 – из Китая, 1755 – из ГДР, 669 – из Болгарии, 435 – из Чехословакии, 392 – из Польши, 20 – из Румынии²⁷.

В целях воспитания сторонников социалистической системы и идеологически подкованных профессиональных кадров руководящие органы союзных и республиканских министерств предписывало ректоратам вузов обеспечить максимально плотные контакты иностранцев с лучшими образцами социалистической действительности: передовыми предприятиями, прославленными тружениками, наиболее сознательными советскими студентами. При этом предпринималась попытка контролировать и внеучебное время, ограничив возможное соприкосновение с неблагоприятными проявлениями советской

повседневности²⁸. С одной стороны, осуществление подобного просвещения в режиме «нон-стоп» было нереально, особенно в нестоличных вузах. С другой – иностранные студенты приобретали негативные впечатления от изобилия показательных мероприятий и стремились уйти в более соответствующие их возрасту и интересам ниши – неформальные встречи с советскими студентами, нелегальные турпоходы или несанкционированные групповые поездки в закрытые для зарубежных гостей зоны СССР.

Неизбывной проблемой, с которой сталкивались органы просвещения иностранных студентов на протяжении всего существования системы обучения, оставалось несоответствие пропагандистских паролей об СССР как стране победившего социализма, доминировавших при подготовке кандидатов к отправке на обучение, и советской реальности. Задача сгладить этот диссонанс возлагалась не только на функционеров партийных и комсомольских организаций, но и на советских преподавателей, прежде всего, учителей русского языка. В ходе языковых и страноведческих занятий им предписывалось найти приемлемые образцы толкований: в первые послевоенные десятилетия нехватка товаров народного потребления и бесконечные очереди объяснялись тяжелыми потерями СССР в Великой Отечественной войне, позже, – растущими запросами населения, которые народное хозяйство СССР не может удовлетворить, т.к. вынуждено тратить усилия на поддержание мира во всем мире и сдерживание происков империалистических агрессоров²⁹.

В 1960-х – н. 1970-х гг. советское руководство переориентировалось на развитие системы обучения студентов из развивающихся стран, в перспективе обещавших большой пропагандистский и экономический эффект. В области продвижения образования и науки как инструментов культурной дипломатии советские партийные и государственные

деятели особенно охотно шли на встречу призывам тех стран, которые с оружием в руках отвоевали свою независимость и где до деколонизации не существовало научных и образовательных учреждений³⁰. В рамках интеграционных структур восточного блока с 1974 г. начал свою работу специальный стипендиальный фонд для студентов развивающихся стран; с 1977 г. финансовая поддержка была распространена на ступени послевузовского и среднего специального образования³¹. Стипендии на обучение в вузах Советского Союза по представлению национальных женских организаций развивающихся стран учредил также Комитет советских женщин. На 1982 г. при его поддержке в средних специальных и высших учебных заведениях обучалось около 867 девушек из 62 стран Азии, Африки и Латинской Америки, более 200 к этому времени уже закончили учебу, вернувшись в свои страны не только как специалисты, но и как активисты международного женского движения³².

Высшие учебные заведения в развивающихся странах, возводимые на советские деньги и укомплектованные профессорами и специалистами были восторженно встречены как свидетельство самоотверженной помощи СССР³³. К примеру, только в Алжире в 1970-х гг. численность советской профессуры достигла 935 человек, не считая вспомогательного персонала³⁴. Как подчеркивает Г. Катсакиорис, имиджевый эффект советской помощи системе образования арабских стран в условиях Холодной войны подтолкнул западные страны к сходным шагам – бывшие державы-метрополии вслед за СССР назад и основывали учебные заведения, снабжали их преподавателями и оборудованием. В свою очередь, это давало возможность самим арабским странам использовать конкуренцию мировых держав для реализации интересов собственного развития³⁵.

Особой сферой усилий советских культурно-дипломатических ведомств стала работа с иностранными выпускниками советских вузов,

которые вне зависимости от национальной принадлежности рассматривались как потенциальные проводники советского влияния в областях своей профессиональной деятельности. Под видом оказания дальнейшей консультационной и технической поддержки квалифицированным специалистам осуществлялась попытка закрепить их связь с alma-mater и с СССР в целом. Одной из целей подобной деятельности было противодействие противникам в Холодной войне, использовавшим сходные средства символической коммуникации научного сообщества.

Советские руководящие органы пытались использовать конкретные группы специалистов из числа выпускников для решения ситуативных задач культурного присутствия СССР в странах Восточной Европы. К примеру, в 1966 г. на фоне снижения интереса к советскому кино в Болгарии, было внесено предложение об интенсификации контактов с «изрядным отрядом выпускников ВГИКа, ... занимающих ключевые позиции в болгарском кино». Предполагалось, что внимание к специалистам, для которых Москва стала «вторым домом», в виде публикаций о них в специализированных советских журналах и приглашений в СССР «будет оплачено сторичей»³⁶.

Подборка статей советского иллюстрированного журнала «Огонек» за 1977 г. отражает принцип использования образа иностранных выпускников советских вузов в социалистическом лагере³⁷. Инициированный журналом конкурс сочинений «По следам советского диплома», приуроченный к 60-летию Октябрьской революции, был нацелен на обновление связей с бывшими студентами. Ход и итоги мероприятия отражались и в прессе других социалистических стран в целях напоминания о масштабах помощи СССР в развитии науки и образования. Не меньшую значимость, однако, имела демонстрация

населению СССР и соцстран зарубежного признания успехов советской системы.

Как отмечает П. Бабираки, обучение в вузах СССР имело опасный побочный эффект: узнав советскую систему изнутри, выпускники стали индифферентны к ее основным лозунгам³⁸. С другой стороны, при неизбежных отрицательных переживаниях советского и социалистического у части студентов, связанный с возрастом преобладающе положительный эмоциональный опыт пребывания в советских вузах нашел свое отражение и в восприятии дальнейших взаимосвязей между студентами и контактов с Советским Союзом. Независимо от профессиональной позиции выпускника, многие из них целыми группами приезжали на праздничные мероприятия, самостоятельно оплачивая свой проезд³⁹. Нередко в юбилейных торжествах принимали участие и бывшие студенты из других социалистических стран, воссоздавая интернациональное вузовское сообщество. Делегаты конференций и форумов обменивались взаимными приглашениями⁴⁰, присваивали друг другу почетные степени и звания, приуроченные к знаковым датам⁴¹.

Данному целеполаганию способствовали и шаги стран-партнеров: специалистам с советским дипломом поручался перевод русскоязычной научной литературы, налаживание контактов с советскими партнерами⁴². При этом речь шла не только о совместных конференциях, но и о научных и дидактических коллективных проектах: выпускники переводили на родной язык и редактировали публикации своих советских профессоров, вместе работали над написанием учебников и коллективных монографий⁴³. «Побочным эффектом» в социалистических странах являлось вменение многочисленных общественных и партийных обязанностей, особенно в сфере обществ дружбы с СССР. Часть выпускников советских вузов работали в интеграционных структурах

социалистического лагеря: комиссиях СЭВ, посольствах и торговых представительствах, действительно поддерживая статус кво социалистической системы.

* * *

Таким образом, разделенное биполярным противостоянием научное сообщество эпохи Холодной войны может быть описано понятием «культурного интернационализма» (А. Ирие), которое отражает претензии индивидов и групп создать альтернативное сообщество вне национальных границ и изменить международные отношения путем кооперации и обмена⁴⁴. За пределами дозируемых сверху институционализированных и формализованных контактов, несмотря на многочисленные ограничения и табу, признанные советские ученые поддерживали личные связи с представителями глобального исследовательского сообщества. К примеру, переписка Д. Скобельцына свидетельствует о наличии разветвленной сети зарубежных контактов, в поддержании которой были заинтересованы сами иностранные партнеры: даже в ходе служебных поездок за границу по делам Комитета Ленинских премий, его коллеги по научному цеху выражали готовность организовать посещение лабораторий и других научных учреждений⁴⁵. С другой стороны, следует отметить, что ученые в эпоху Холодной войны осознавали политизированность своей деятельности на международной арене и сознательно использовали свой авторитет не только в целях внешнеполитической репрезентации своего государства, но и в целях продвижения интернациональных миротворческих инициатив: так, советские физики активно участвовали в подготовке конференции по мирному использованию атома и сыграли ведущую роль в переговорах об ограничении ядерных испытаний в 1958 г.⁴⁶

Библиографический список

Summary:

Keywords: transnational history, soviet cultural diplomacy, Cold War, academic mobility, scientific community, scientific exchange

Bibliography

-
- ¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10213).
- ² См., например: **Гоулд-Дэвис**. С. 207; *Hollings Chr. Scientific Communication across the Iron Curtain*. – Berlin, 2016. P. 42.
- ³ РГАНИ. Ф.5. Оп.35. Д. 147. Л. 175–178. ЦК КПСС. Секретно. 12.12.1960.
- ⁴ *Katsakioris C. Sowjetische Bildungsfoerderung fuer afrikanische und asiatische Laender // Greiner B. u.a. (Hg.) Macht und Geist im Kalten Krieg*. – Hamburg 2011. – S. 396–414.
- ⁵ *Hollings, Chr. Scientific Communication across the Iron Curtain*. Berlin: Springer International Publishing, 2016. P. 24–27.
- ⁶ *Kojewnikow A. Die Mobilmachung der sowjetischen Wissenschaft // Greiner B. u.a. (Hg.) Macht und Geist im Kalten Krieg*. – Hamburg, 2011. S. 87-107.
- ⁷ *Липкин М. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х гг.* – М., 2016. С. 173–180.
- ⁸ ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 16. Л. 4. Справка о приеме АН СССР Ученых стран народной демократии и о командировании научных сотрудников АН СССР в эти страны
- ⁹ *Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «Железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм 1955-1991*. – М., 2016. С. 140.
- ¹⁰ *Hollings, Chr. Scientific Communication across the Iron Curtain*. Berlin: Springer International Publishing, 2016. P. 24–27.
- ¹¹ Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «Железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм 1955-1991. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 307???
- ¹² **См. подробнее: Дэвид-Фокс, Голубев, Невежин**
- ¹³ *Wunderle U. Experten im Kalten Krieg. Kriegserfahrungen und Friedenskonzeptionen US-amerikanischer Kernphysiker 1920–1963*. – Schoening, 2015. S. 316–319.
- ¹⁴ *Sigel P. Exponiert. Deutsche Pavillons auf Weltausstellungen*. Berlin, 2000. S. 174; *Siegelbaum L. Sputnik Goes to Brussels: The Exhibition of a Soviet Technological Wonder // Journal of Contemporary History*. – 2012. – Vol. 47. – No. 1. – P. 120–136
- ¹⁵ *Neuburger M. Kebabche, Caviar or Hot Dogs? Consuming the Cold War at the Plovdiv Fair 1947–72 // Journal of Contemporary History*. – 2012. – 47(1). – P. 48–68.
- ¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 52. Л. 12. Тов. Жданову М. Суслов. 29.5.1947.
- ¹⁷ *Faure R. Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa 1945–1989*. – Oldenburg, 2015. S. 300–301.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 10. Д. 98. Л. 89–95. Советско-кубинское культурное и научное сотрудничество в 1967 г. (справка). 22 февр. 1968 г.
- ¹⁹ Трагедию советских ученых, запертых на родине под завесой военной тайны и по сути лишенных авторских прав, описывает в своей статье Ю. Рихерс. См.: *Richers Ju. Welt-Raum: Die Sowjetunion im Orbit // Aust M. (Hg.) Globalisierung imperial und sozialistisch. Russland und die Sowjetunion in der Globalgeschichte. 1851–1991*. Frankfurt am Main, 2013. S. 400–424.
- ²⁰ См.: Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «Железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм 1955-1991. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–41.
- ²² ГАРФ. Ф. 9522. Оп.1. Д. 46. Л. 13
- ²³ *Osterhammel J. Transnationale Gesellschaftsgeschichte: Erweiterung oder Alternative // Geschichte und Gesellschaft*. – 2001. S. 473; *Kaelble H. u.a. Zur Entwicklung transnationaler Oeffentlichkeit und Identitaeten*

im 20. Jahrhundert. Eine Einleitung // Dies. Transnationale Oeffentlichkeit und Identitaeten im 20. Jahrhundert. – Berlin, 2002. S. 9.

²⁴ Веугау Д.

²⁵ Нагорная О.С. Восточногерманские студенты в СССР 1950-60-х гг.: транснациональные пространства и социалистические «сети» // Исторический журнал: научные исследования. – 2013. – № 5. – С. 531–540. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9267; Нагорная О. Академическая мобильность в пределах железного занавеса: студенты из ГДР в советских ВУЗах (1950–1960-е гг.) // ЭНОЖ «История». – 2015. – Т. 6. – Выпуск 9 (42) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001253-7-1> (дата обращения: 07.12.2015). DOI: 10.18254/S0001253-7-1

²⁶ РГАСПИ. Ф.1-М. Оп. 46. Д.176. Л.30-39. Справка о количестве студентов стран народной демократии на 1 сентября 1954 г.

²⁷ Katsakioris C., Sowjetische Bildungsfoertderung fuer afrikanische und asiatische Laender, in: Greiner B. u.a. (Hg.) Macht und Geist im Kalten Krieg. Hamburg 2011. S. 406.

²⁸ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 2. Д. 44. Л. 20–29. Министерство высшего и среднего специального образования УССР «Всем ректорам вузов УССР, где обучаются студенты-иностранцы». 8.10.1961.

²⁹ См., например: ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 16. Д. 192. Л. 7-8. Доклад «Основные задачи преподавателей русского языка в подготовке специалистов для стран народной демократии».

³⁰ Katsakioris C., Sowjetische Bilfungsfoertderung fuer afrikanische und asiatische Laender, in: Greiner B. u.a. (Hg.) Macht und Geist im Kalten Krieg. Hamburg 2011. S. 404.

³¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 17. Д. 185. Л. 2-11. Материалы о торгово-экономических связях СЭВ с развивающимися странами. 27.4.1979.

³² Курковская Е.И. Комитет советских женщин. – М., 1982. С. 30.

³³ Katsakioris C., Sowjetische Bilfungsfoertderung fuer afrikanische und asiatische Laender, in: Greiner B. u.a. (Hg.) Macht und Geist im Kalten Krieg. Hamburg 2011. S. 404.

³⁴ Katsakioris C., Sowjetische Bilfungsfoertderung fuer afrikanische und asiatische Laender, in: Greiner B. u.a. (Hg.) Macht und Geist im Kalten Krieg. Hamburg 2011. S. 405.

³⁵ Katsakioris G. Soviet Lessons for Arab Modernization. Soviet educational aid to Arab countries after 1956 // Journal of Modern European History. – 2010. – Н. 1. S. 104.

³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 158. Л. 249. Отчет о поездке в Болгарию по обмену между Союзом кинематографистов СССР и Болгарии.

³⁷ Конкурс «По следам советского диплома» // Огонек. 1977. № 40. С. 19-20; «По следам советского диплома». Интервью «Огонька» с министром высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютиным // Огонек. 1977. – № 51. С. 22–23.

³⁸ Babiracki P. Imperial Heresies: Polish students in the Soviet Union, 1948–1957 // Ab Imperio. – 2007. – Nr. 4. S. 201–202.

³⁹ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 6846. Л. 8. Управление по обучению студентов, аспирантов и стажеров зарубежных стран Минвуза СССР в Посольство СССР в ГДР. 6.1.1975; Л. 122. Киевский политехнический институт. 8. 5. 1975; Д. 7249. Л. 32. В МВиССО УССР. 12. 4. 1976; Л. 70. 13. 2. 1976. Ленинградская лесотехническая академия; Л. 88. Одесский медицинский институт, июнь 1976 г.; Д. 6488. Л. 33. 13. 3. 1974.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 7249. Л. 91. Одесский медицинский институт. 3. 6. 1976; Barch. DY 30. Nr. 7949. Bericht ueber die Teilnahme einer DDR-Delegation an einem Seminar sowjetischer Hochschulen ueber gegenwaertiger Stand und Aufgaben zur weiteren Vervollkommnung der oekonomischen Ausbildung von Ingenieur-Kader fuer die DDR. 17. 11. 1970.

⁴¹ Barch. DR3. Schicht 2. Nr. 925. Abteilung Internationale Hochschulbeziehungen. 9. 3. 1970.

⁴² Barch. DR3. Nr.5098. VEB Eisen-und Huettenwerke Thale. 6.4.1959. Beurteilung ueber den Kollegen Klaus O.

⁴³ К примеру, в центральном печатном органе ГДР сообщалось о написании проф. Х. Рихтером учебника по политической экономии, рецензентами и редакторами которого выступили его бывшие учителя – профессора из Советского Союза. См.: Neues Deutschland. 6 окт. 1973 г. См. также: DR3. Schicht 2. Nr. 2230. Treffen von Absolventen sowjetischer Hochschulen aus Anlass des 70. Jahrestages der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. 23. 11. 1987.

⁴⁴ Цит. по: Niederhut J. Wissenschaftsaustausch im Kalten Krieg. Die ostdeutschen Naturwissenschaftler und der Westen. – Boehlau 2007. S. 5.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 119. Л. 33.

⁴⁶ Wunderle U., Experten im Kalten Krieg. Kriegserfahrungen und Friedenskonzeptionen US-amerikanischer Kernphysiker 1920-1963. Schoening, 2015. S. 316-319.